

Т.Ф. Чалкова

*Новосибирский научно-исследовательский институт
патологии кровообращения*

Повесть о царице и львице: вторичные варианты и редакции

Аннотация: Представлены вторичные варианты популярной в русской книжности конца XVII–XIX веков Повести о царице и львице, созданной на основе средневекового романа об Оттоне и Олунде. Рассмотрены также художественные особенности двух ее редакций: Монастырской (XVIII в.) и Музейской (XIX в.). Описаны методы, которыми пользовались книжники при обработке первоисточника.

Secondary variants of the Story about the tsarina and a lioness are presented. The Story based on the medieval novel about about Otton and Olund was popular in Russian literature at the end of XVII–XIX centuries. Art features of its two editions – Monastyrskaya (XVIII c.), Muzeyskaya (XIX c.) – are also considered. Methods used by scribes in the processing of the primary source are described.

Ключевые слова: Повесть о царице и львице, варианты, вторичные редакции.

The Story about the tsarina and a lioness, variants, secondary versions.

УДК: 82.0.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Речкуновская, 15. ННИИПК им. акад. Е.Н. Мешалкина, редакция. Тел.: (383) 3322546. E-mail: tat.chalkova@gmail.com.

Повесть о царице и львице – одно из популярных рукописных произведений конца XVII–XIX в. Основу произведения составили некоторые сюжетные ходы переведенного с польского языка на русский в 1670-х гг. поздне-рыцарского романа об Оттоне и Олунде. На русской почве значительно переработанный заимствованный сюжет был изложен в традициях жития и волшебной сказки [Чалкова, 2011]. Повесть о царице и львице рассказывает о злключениях оклеветанной свекровью царицы, обвиненной в супружеской неверности и изгнанной супругом с двумя сыновьями-близнецами в пустыню. Здесь одного из детей похищает львица и затем воспитывает его. На царя, отца изгнанных детей, нападает неприятель; оба юноши выходят на поле битвы. На пиру по случаю их победы выясняется, что они братья и сыновья царя. Царица возвращается – ее невиновность доказана.

Несмотря на долгую литературную историю, большинство списков Повести о царице и львице (всего их более 200) имеет устойчивый текст, читающийся уже в самых ранних (1690-е гг.) списках, названный нами Основной редакцией. Малая вариативность текста объясняется, на наш взгляд, строгим и логичным построением, в котором реализуется динамичный и занимательный сюжет, органично сочетающийся с дидактичностью. Изучение списков, содержащих даже незначительные разночтения с Основной редакцией, составляет одну из основных исследовательских задач произведения. Это важно прежде всего потому, что позволяет в ходе сравнения, во-первых, установить характерные особенности

первоначального текста и, во-вторых, проследить его движение в позднейших вариантах и редакциях.

Выясняя дальнейшую судьбу Повести о царице и львице в русской рукописной традиции, мы определили основную линию развития сюжета, для чего привлекли к исследованию некоторые из ее вторичных редакций. Это прежде всего Повесть о римском цесаре Антонии (XVIII в.), заслуга открытия которой принадлежит В.П. Адриановой-Перетц [1948]. Исследовательница считала ее редакцией романа об Оттоне. Впервые Повесть об Антонии как редакция Повести о царице и львице рассмотрена нами [1990]. Изучена также одна редакция XIX в. [1987], принадлежащая перу самобытного крестьянского писателя И.С. Мяндина [Малышев, 1985]. В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть вторичные варианты Основной редакции, а также еще две редакции Повести о царице и львице, впервые вводимые в научный оборот.

Вторичные варианты *Первый вариант*

В многовековой литературной истории Повести о царице и львице отношение «герой и его имя» менялось неоднократно. При переделке источника – Повести об Оттоне – личные и географические имена были опущены. Также нет имен у героев всех редакций Повести о царице и львице, исключение составляет лишь Повесть о римском цесаре Антонии. Не поняв первоначального авторского замысла рассматривать поведение созданных им героев как вечный и повсеместный эталон этических норм, обязательный для каждого, позднейшие переписчики вводят имена в текст Основной редакции, что демонстрируют списки ее Первого варианта.

Важно отметить, что, ориентируясь на традицию, древнерусские книжники предпочитали имена греческие, а не латинские, западные. При этом главную роль при выборе имени для персонажа играло его значение. По наблюдениям Е.К. Ромодановской, для литературы, стоящей на пороге Нового времени, было весьма характерно использование значащих имен, когда действующие лица, характеризуются этим именем и действуют в рамках, определенных его значением [Ромодановская, 1994, с. 35–51]. Списки Первого варианта разделены нами на два подварианта: первый – с именами собственными, второй – с топонимами.

Имена собственные

Этот подвариант объединяет списки со следующими именами.

1. Порфирион и Анфиса: РНБ, Эрмитажное собр., № 25, XVIII в. и ИРЛИ, собр. Перетца, № 550, XIX в. В основе имени царя греческое слово «порфира» – «пурпурная мантия монарха», следовательно, Порфирион – человек, носящий такую мантию, то есть царь. Дав героине имя Анфиса (греч. «цветущая»), автор наделяет ее поистине цветущей красотой.

2. Ксанфида, Яков, Василий: БАН, тек. пост. № 234, XVIII в. Этот список также показывает, что подбор имен был осознанным. Царица здесь названа Ксанфидой, одно из значений этого слова в греческом языке «сияющая». Один из ее сыновей получает имя Василий («царственный»), другой – имя Яков, от еврейского Иаков («пятка») – второй по рождению из двух близнецов, появившийся «по пятам», вслед за первым.

3. Антоний, Феодулия, Диоскор и Асрилог: РГБ, собр. Ундольского, № 650, XVIII в. По-видимому, имена для героев Повести о царице и львице заимствованы переписчиком из Повести о римском цесаре Антонии, где они также были значащими [Чалкова, 1990]. Царь назван Антонием, его мать Феодулией, сын Диоскором. Новое имя только Асрилог, возможно, это неверно прочитанное Карлус – так

звали другого сына цесаря Антония. Как и в Повести о царице и львице, царица остается безымянной.

4. Ехон, Флоренс и Леон: РНБ, собр. Михайловского, № 454, Q, XVIII в. Этот список испытал влияние Повести об Оттоне. Хотя царь назван Ехон (это, безусловно, не понятое переписчиком «Оттон»), но детям даны те же имена, что и героям рыцарского романа: Флоренс и Леон (это имя тоже значащее – именно Леон был украден львицей). Важно отметить, что слова «царь» и «царица» заменены здесь на «цесарь» и «цесарева», царские дети называются «рыцарями». Других отличий от Основной редакции Повести о царице и львице этот список не имеет.

О том, что некоторые читатели воспринимали безымянность полюбоившихся им героев как «недостаток» и пытались его исправить, свидетельствуют не только списки Первого варианта. В этом плане интересны случаи, когда имена героев появляются в конце текста Основной редакции. Так, в рукописи РНБ, собр. ОЛДП, Q. 251, XVIII в. сделана приписка другими чернилами: «Се бысть царь Антоний, царевы дети: Аркадий – первый, Анофрий – второй». Имя Антоний взято из Повести о римском цесаре Антонии, но имена детей выбраны произвольно. Влиянием Повести об Оттоне и Олунде объясняется приписка в сборнике ИРЛИ, Сев.-Двинск. собр., № 268, нач. XIX в.: «Имя царю цесарь римский Антон, а царице Отона Алунда». Читателя нисколько не смутило, что главный герой, единым росчерком его пера, стал одновременно и царем, и цесарем; Антоном и Отоном. Вероятно, ему хотелось показать свою начитанность и знакомство с близким по сюжету другим произведением – Повестью об Оттоне и Олунде.

Топонимы

В Основной редакции Повести о царице и львице место действия традиционно для патериков и прологов и довольно неопределенно: «Бысть в палестинских странах, в некоем граде велице...» [Повесть..., 1988, с. 427]. В списках ГИМ, собр. Уварова, № 859, XVII в.; БАН, собр. Археологич. института, № 55, XVIII в. (Арх-55); ИРЛИ, собр. Перетца, № 276, XVIII в.; РНБ, собр. Михайловского, № 151, Q, XVIII в. «некий град» получает имя Фелумен, а в БАН, Тагильск. собр., № 17, XVIII в. (Таг-17) – Иерихон.

«Фелумен» – это имя собственное, а не топоним. Интересно отметить, что как топоним оно использовано также в Повести о царе Аггее [Ромодановская, 1994, с. 41], часто встречающейся в сборниках рядом с Повестью о царице и львице (см., например, сборник Арх-55). В обеих повестях имя выполняет орнаментальную функцию, и его легко можно заменить на другое, что, собственно, и демонстрирует Таг-17. Город Иерихон действительно существовал на территории современной Палестины, и можно предположить, что древнерусский редактор, из-под пера которого вышел этот список, стремился к географической точности, для чего ему и понадобилось ввести реальный топоним именно «палестинских стран».

Второй вариант

В этом варианте объединены незначительные изменения Основной редакции, которые касаются прежде всего характеристики героев или мотивов их поступков.

1. «Злые жены». В Основной редакции мать царя называется «злая ехидна», «лукавая ехидна и злокозненная змия», «злая и лукавая змия-матерь». В этом подварианте тема «злых жен» получает дальнейшее развитие, а раскрывается она с привлечением других популярных произведений. Ответ слуги написан, несомненно, под влиянием Беседы отца с сыном о женской злобе и Слов о злых женах. Так, например, в нем сохраняется последовательность, в которой отец приводит примеры женской злобы своему сыну: рассказ об Адаме, «святых отцах», проро-

ках [Титова, 1987]. Подвариант представлен списками ГИМ, Щукин, № 692, нач. XVIII в. и ИРЛИ, собр. Руденок, № 11, кон. XIX в.

2. «Козни дьявола». Этот дополнительный мотив ненависти матери царя к своей невестке характеризует следующие списки: РНБ, собр. ОЛДП. Q. 695, XVIII в.; РНБ, собр. НСРК, 1929, Q. 716, XVIII в.; ИРЛИ, собр. Перетца, № 528, нач. XIX в. (Пер-528); РГБ, ф. 218 (Новые поступления), № 1158, XIX в. «Мати же царева, завиствуя на царицу, невестку свою...» [Повесть..., 1988, с. 427]. – «Злокозненный диавол вложи в сердце матери царевой, завиствуя на царицу, невестку свою...» (Пер-528, л. 17).

3. «Милостивые правители». В Основной редакции царь и царица изображены как милостивые правители. В списках БАН, 42. 7. 2, XVIII в. (БАН-42) и ИРЛИ, кол. Тумилевича, № 6, XVIII в. это их качество еще более усилено: «Царь же нача жити во царствии своем в радости велицей, паче благочестием и добродетелию сияя» [Повесть..., 1988, с. 441]. – «Сия же царица нача милостыню творити убогим, скорбным, болящим и всяким нищим многое множество и по вся дни и до времени смерти своя... Царь же пребывающа благочестивно и нищелюбивно зело бысть и до всего народа милостив своя ради царицы и чад своих» (БАН-42, л. 40).

Третий вариант

Третий вариант, представленный списками РНБ, Q, XVII. 215, сер. XVIII в.; НБ ТГУ, Р. 6, XIX в.; ИРЛИ, собр. Перетца № 570, XIX в., объединяет характерные особенности первых двух вариантов Основной редакции Повести о царице и львице. Как и в Первом варианте, царь назван Порфирионом, царица Анфисой. При этом расширенная характеристика персонажей и дополнительный мотив ненависти – «позавидев же древний враг диавол добродетельному их житию» – сближает их со списками Второго варианта.

Вторичные редакции

Интересные изменения обнаружены нами в двух списках, каждый из которых представляет собой особую версию, восходящую к Основной редакции Повести о царице и львице. Обе редакции анонимны, но свидетельствуют о большом литературном мастерстве их создателей, сумевших углубить и расширить идейное содержание и художественные достоинства протографа.

Монастырская редакция

Редакция представлена списком РГБ, Шибан., № 207, кон. XVIII в. л. 1–38 (Шиб-207, цитаты приводятся по этому списку с указанием листов рукописи): «Повесть зело душеполезна, выписана от древних летописцев, из римских хроник, лета 7204 августа месяца 13-й день, а выписана в обители чудотворца Кириллова монастыря»¹ (указание на монастырь положено в основу названия редакции).

В Монастырской редакции значительно усилена дидактичность первоначального текста. Автор этой редакции создает новую, по сравнению с Основной редакцией Повести о царице и львице, сюжетную линию: гуляя в вертограде, царь видит, как одного из птенцов горлицы унес некий зверь. Собравшиеся по приказанию царя вельможи сообщают о пустынноике, который смог бы объяснить виде-

¹ В рукописи перед л. 1 на чистом листе без нумерации записи: «Евдоким Семенов Белянкин» и «Лука Белянкин. Москва, 1846 год». Эта редакция легла в основу лубочного издания Л.Е. Белянкина [1847]. Оба текста содержат много ошибок, причем эти ошибки не совпадают. Очевидно, Л.Е. Белянкин издал неизвестный нам список, хотя, как можно судить по записям, список Шиб-207 был ему знаком. Протограф обоих текстов нами пока не обнаружен.

ние. Далее следует подробное описание пути, по которому шли вельможи к старцу. В этом рассказе примечателен переход от третьего лица к первому: «И тако много дней скитающимся *им* по пустыне... Един из *нас*, опустив руку в плетенницу...». Большинство патериковых рассказов построено на сообщении от первого лица по следующей схеме: приход к старцу, беседа с ним и возвращение. Та же схема реализована в Монастырской редакции. Видение царя старец объясняет так: «Пустыня победит злохитрое умышление, и плотядный зверь воздоит сосцы своима противной плод себе» (л. 9 об.). Возвратившиеся вельможи передают это пророчество царю.

В другом эпизоде редактор дополняет текст Повести о царице и львице подробным описанием полков перед сражением и самого боя, в источнике оно было очень кратким. Мы считаем, что картина боя не что иное как авторская стилизация, тем более что нам удалось обнаружить в тексте Монастырской редакции значительное количество формул, используемых в старинных воинских повестях [Орлов, 1902, приведены страницы с соответствующими формулами, они выделены курсивом]: «И сице зряхуся полцы воинствия, и *от луча солнечнаго блищахуся на главах их шлемы медяные, и одеяние бранное, яко же струя огненная светлеющая* (с. 15), ... и *стрелами, яко же дождевным градом, состреляхуся* (с. 18), *человецы, яко же древеса дубравныя, посецахуся* (с. 9) и т.д. А.С. Демин указывает, что сцена боя написана не без влияния Сказания о Мамаевом побоище [Демин, 1977, с. 109]. Но наше сравнение Монастырской редакции и Сказания о Мамаевом побоище не подтверждает вывод исследователя. В просмотренных нами других повестях Куликовского цикла мы также не нашли текста, сколько-нибудь схожего с текстом Монастырской редакции, что, по нашему мнению, может служить еще одним доказательством в пользу авторской стилизации. В плане общей авторской концепции эмоционального воздействия на читателя, вероятно, можно говорить о сцене боя как о специально созданном украшателстве, обладающем сильным эстетическим эффектом.

Кроме стилизации, автору данной редакции свойственно многочисленное цитирование памятников демократической литературы XVII–XVIII вв. Так, например, он пишет о матери царя: «Неукротимы звери львове и единорогове, а укротившаяся, а злыи человецы – никогда же, аще не нуждею связуются». Эта цитата очень близка Словам о злых женах: «И звери укротиваются, а злая жена николи же укротится» (См., например, рукопись РГБ, ф. 732, № 119).

В целом, Монастырскую редакцию характеризуют значительные отличия от повести-источника. Новая сюжетная линия, связанная с путешествием вельмож к старцу, расширила «художественное поле» произведения и сыграла определяющую роль в развитии идей, воплощенных в Повести о царице и львице. Одна из них, например, продублирована библейской цитатой «Сердце царево в руке Божией», составившей «тематический ключ» (термин Р. Пиккио) Основной редакции [Чалкова, 2011]. Создателем Монастырской редакции продолжена мысль о неотвратимости судьбы, начертанной Богом, – о провиденциализме. Впервые авторскую идею высказал пустынный в беседе с присланными к нему вельможами: «И аз преидох науки мира сего, но ничто же обретох, ... и познах, яко ничто же есмь, яко промысел Божий и судьбы его ведут ны» (л. 7 об.). Также и другие персонажи на протяжении всего текста обращаются к этой теме.

Судя по изменениям, которые внес редактор в основной текст Повести о царице и львице, он был начитанным книжником, философом-гуманистом, возможно монахом, воспользовавшимся повестью-источником для выражения своего мировоззрения. Не исключено, что Монастырская редакция и была создана как средневековая проповедь, которая очень часто выглядела как коллаж из клише, цитат, аллюзий, скомпонованных применительно к риторической ситуации [Кагарлицкий, 1999]. Мы полагаем, что именно с этой целью – представить свою

идею читателю как можно более ярко и образно – автор ввел значительное количество интерполяций, стилизаций и цитат в Повесть о царице и львице.

Как нам представляется, произведение не могло оставаться в стороне от магистральных путей развития русской литературы того времени. Пусть едва заметные, но тем не менее характерные признаки сентиментализма, по нашему мнению, в Монастырской редакции, особенно в ее новой сюжетной линии, обнаружить можно. Укажем, в частности, на автобиографичность в рассказе старца, на мотивы отшельничества и побега от внешнего мира, на любимую сентименталистами форму путешествий. В этом ракурсе, вероятно, можно интерпретировать и авторский призыв к читателям и слушателям раскрыть свои чувства: «Молю вы, братия моя, слышаше сию повесть, отложим всяк гнев и ярость и бежим шептания, смягчим ниву сердца нашего и всеем добрая дела, да стяжим милосердие и любовь» (л. 38). Более того, здесь обращение «братия моя», по-видимому, также можно понимать не столько в узкоцерковном значении (монастырская братия), сколько в более широком, которым наделяли это слово сентименталисты, провозглашавшие принцип природного и морального равенства всех людей – братьев, детей одного Отца.

Музейская редакция

Музейская редакция представлена одним списком и названа так по месту хранения: ГИМ, Музейское собр., № 104, 1820-е гг., л. 1–31 (Муз-104, цитируется по этому списку с указанием листов рукописи). Первый лист рукописи утрачен, поэтому название текста Музейской редакции не известно, мы можем также лишь предположить, что герои, как и в Основной редакции, безымянные. Список явно не авторский: отмечены случаи неверного деления предложения на слова и перестановки букв в словах. Из-за путаницы одного-двух листов, вероятно в тексте протографа, изменен порядок следования некоторых эпизодов, отчего повествование стало не совсем логичным. Перечисленные недостатки ни в коей мере не умаляют художественных особенностей редакции в целом. Автор Музейской редакции делает поступки героев более мотивированными, наделяет их более разнообразной, чем у героев Основной редакции, палитрой эмоций, что позволяет ему создать яркие, живые образы и реалистичные сцены (налицо драматизация источника). Приведем некоторые характерные примеры.

В Основной редакции о поведении царицы, матери царя, после несправедливого суда сказано очень кратко, в Музейской – автор наделяет мать царя большой активностью действий, использует речь (в данном случае близкую к разговорной) как элемент характеристики своего персонажа и таким образом создает психологически очень точный ее портрет. Сравним: «Мати же его радующися и веселяшися, яко улучи желание свое и исполни волю свою» [Повесть..., 1988, с. 431]. – «Мати же царева, преокаянная скорпия, в радости бысть велицей, ... собрав отроковиц, та же и игрие, музици, бубни, дутьки и нача веселитися, глаголюще: “Да изыму от печали сына своего, – глаголюще преокаянная. – Сице подобало бы и ему тщетную отложить печаль сию, понеже несть благоверна женишка его, точию чарованием обади любити царю, но Бог щедр, претерпе время и порази зверем на снадение”» (л. 4).

Так же реалистично рассказано о пребывании царицы в заточении и переживаниях стражника: «...блюдома и с чады своими твердыми стражи по повелению цареву и питаема нужною пищею» [Повесть..., 1988, с. 428]. – «И заповедав под смертным приказом, чтобы точию ржан и черн хлеб в пищу ей подавати; жажди же ради простую летнюю воду. И тако повеле стрещи крепце, даже без его царскаго приказу никто же к ней внидет, точию един податель пищи, и той бе оконцем и ничто же ей вещая, подавай и паки отходя, озирая сюду и онуду, бояся, да не оклеветает кто царю» (л. 2 об.).

Яркими деталями дополнен эпизод выбора коня царским сыном перед сражением: «Царь же повеле ему устроить, яко же хошет, и конь, яков ему годен» [Повесть..., 1988, с. 435]. – «Приведенным же быша конем, и повеле царь отроку любова себе. Отрок же хождяше меж оными и пытая крепость и силу конскую, егда же возлагая руку на бедра конская, немощный же конь позабая же на коленку свою. И едва избра из многих единого по достоинности своей, обуздан и огладив и возложи на нь арчих и стремени и протчия доспехи управи, и сам облечеся во вся браня воинская» (л. 21).

На пиру по случаю победы один из юношей настолько подробно и достоверно описывает свои злоключения, что читатель как будто видит перед собой маленького ребенка, бредущего с матерью по пустыне: «И тако поидоша по пустыни, скитающися во много время... и вельми прискорбно бяше, ибо овогда мати моя за руку мя ведуще, овогда на руцы мене вземше, поносиша мя, дондеже аз отдохну и паки посаждая мя и за руку поведе мя и доиде до некоего града, из него же аз ныне придох» (л. 25).

Не менее реальны и эпизоды, относящиеся к сказочной линии повести. Так, например, похищение ребенка львицей в Музейской редакции – это подробный рассказ, причем от первого лица, как реплика в драме. Возможно, автор решил, что речь самого «участника событий» будет звучать правдоподобнее: «Львица вниде в куц свой и ласкаше младенца, лобзая и лизаше главу мою и сосцы свои влагаше во уста, аз же отвращахся и не взимше, но и более плачяся, зверь же оный принесе вскоре цветы, два, един в руку ми вложен, другой же главу мою покры... и взалкаше аз, и даде ми во уста сосец свой, аз же ощутив сладость млека ея и паки сосаше ю» (л. 10).

В описании боя автор творчески использует фольклорные мотивы сказок о богатырях, обогащая их образными сравнениями: «Он же, благосильный богатырь отрок, ничто же вещая или беседа им, но нача, яко муси метилом уроняя, тако он мечем своим посекал не щадя, единым возносом меча, до десети глав на землю повергая» (л. 19 об.). Его брат «начая сещи и побивати нещадно и пролетая, яко орел, отворяше проулки ристанием коня своего, пробегая веру телес и крове, яко веру дебры и блато, протчии бежаху от него, яко порплицы от ястреб» (л. 22).

Примеры распространения текста Основной редакции Повести о царице и львице можно было бы продолжить – они многочисленны. Но уже приведенные эпизоды демонстрируют, что тщательная прорисовка деталей как способ создания достоверности изображаемого составляет отличительную черту творческого метода автора Музейской редакции. Персонажам Основной редакции Повести о царице и львице свойственна житийная абстрагированность. В Музейской редакции, напротив, автор, используя широкий арсенал художественных средств, делает шаг вперед в разработке психологических портретов действующих лиц, его героям присуща индивидуальность и эмоциональная выразительность. (Поэтому не удивительно, что именно эта редакция легла в основу лубочного издания.) Все эти изменения позволяют считать Муз-104 особой редакцией, составившей важный этап беллетризации и драматизации Повести о царице и львице. В целом, занимательный сюжет Повести о царице и львице под пером создателя Музейской редакции, акцентировавшего сказочные мотивы источника и вместе с тем стремившегося убедить читателя в правдивости рассказа, стал еще интереснее для читателя. Понятна цель его творчества – доставить удовольствие и развлечение. Внимание автора именно к сюжетной, занимательной стороне повести указывает, как мы полагаем, на среду возникновения этой редакции – скорее всего купеческую.

Наш вывод, очевидно, подтверждают следующие изменения Повести о царице и львице. «Корабленницы» из Основной редакции почти во всех случаях названы «купцами» в Музейской. Получив в подарок юношу и львицу, царь «удивился и почте кораблеников» [Повесть..., 1988, с. 435]. – «...поблагодари и уго-

сти их честною пищею и повеле им торговати, елико могут, во своем царстве» (л. 18 об.) (Курсив здесь и далее наш. – Т.Ч.). Любопытно в этом отношении сравнить концовку обеих редакций: «Испроси царица у царя, еже отпустить осужденных на смерть, и темничным разрешенные, и отдати долги должником, и сотворися тако» [Повесть..., 1988, с. 441]. – «Упроси царица у царя своего, чтобы виновных из темниц и из неволи распустить, и в долгах царских простить, и в данях и в оброцех на три года свободить, и всякие пошлены и казенные взимы все не брать. Царь же по прошению ея вся исполни, и указом утверди, и весь народ возвесели» (л. 31). В форме просьб царицы автор Музейской редакции выразил чаяния купечества, вероятно, близкие и ему самому. Примечательно, что даже библейская цитата «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим» (Евангелие от Матфея, 6: 12), воспроизведенная в Основной редакции в усеченном, но близком к источнику по смыслу виде, в Музейской наполняется конкретным, вполне земным значением: «в долгах царских простить», то есть получить важное для купцов право не платить царю долги (оброки, пошлины и проч.).

Таким образом, мы рассмотрели вторичные варианты (два из них имеют подварианты) Основной редакции Повести о царице и львице, объединив их по типичным видам разночтений. Внесением в текст Основной редакции различных имен собственных как для персонажей, так и для места действия отличаются списки Первого варианта. На их примере мы можем проследить тенденцию разрушения абстрагированности, свойственной агиографическому жанру источника. Изменение (расширение, уточнение) мотивировки поступков главных героев представлено во втором варианте. В списках Третьего варианта персонажи имеют и значащие имена, и расширенную характеристику своих действий.

Темы и идеи Повести о царице и львице оказываются востребованными демократическим читателем и в XVIII, и в XIX в. В разных социальных средах и культурных контекстах ее сюжет вступил в новые ассоциативные и смысловые взаимодействия с той социальной реальностью, в которой функционировало произведение. Это позволило создать такие различные версии Основной редакции, как Монастырская редакция, где значительно усилена дидактичность первоисточника, и как Музейская – с еще более занимательным сюжетом, расцвеченным элементами сказочной фантастики и реалиями русского быта. Эти редакции составили важный этап литературной истории Повести о царице и львице.

Литература

Адрианова-Перетц В.П. Литература 1590–1690-х годов // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2. С. 384.

Демин А.С. О художественности древнерусской литературы: Очерки древнерусского мировидения: от «Повести временных лет» до сочинений Аввакума. М., 1998.

Кагарлицкий Ю.В. Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода (1700–1775): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Малышев В.И. Усть-цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С. Мяндин // Древнерусская книжность. (По материалам Пушкинского дома). Л., 1985. С. 323–337.

Орлов А.С. Об особенностях форм русских воинских повестей. М., 1902.

Повесть зело душеполезна, выписана от древних летописцев, из римских хроник / Изд. Л.Е. Белянкин. М., 1847.

Повесть о царице и львице / Подготовка текста и коммент. Т.Ф. Чалковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. М., 1988. С. 427–441, 653–654.

Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.

Титова Л.В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987.

Чалкова Т.Ф. Повесть о царице и львице в обработке И.С. Мяндина // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 234–248.

Чалкова Т.Ф. Повесть о римском цесаре Антонии и ее источник // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 222–228.

Чалкова Т.Ф. Повесть о царице и львице: особенности художественной структуры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 2: Филология. С. 108–115.

Чалкова Т.Ф. Мотив «Сердце царево в руке Божией» в Повести о царице и львице (кон. XVII в.) // Сибирь на перекрестье религий: материалы V Межрегиональной научно-практич. конф. Новосибирск, 2011. С. 117–120.